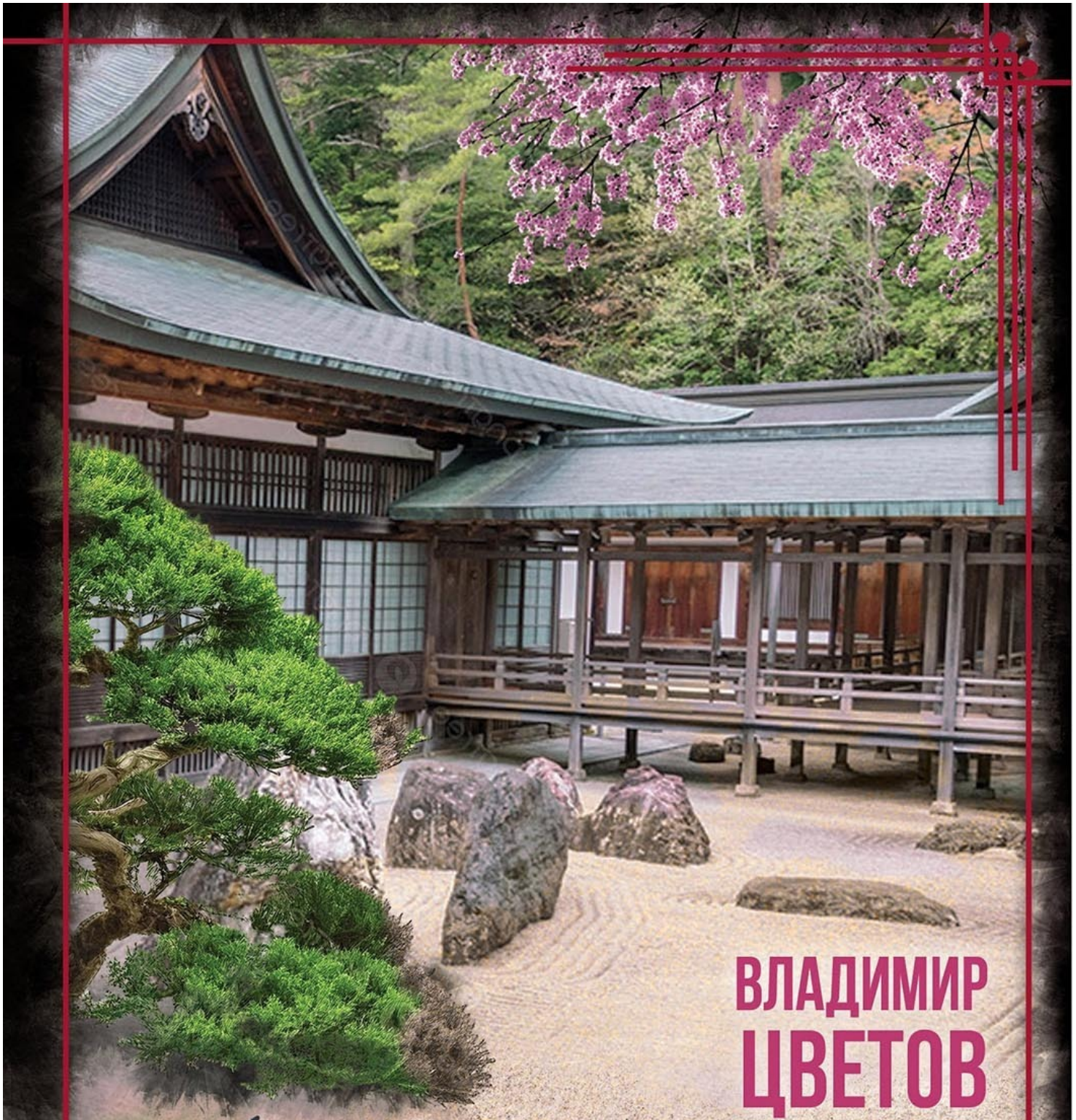

ВЛАДИМИР
ЦВЕТОВ

Пятнадцатый камень сада Рёандзи

СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛИСТ В ЯПОНИИ

Весь мир

Владимир Цветов

Пятнадцатый камень сада Рёандзи

«Алисторус»
2026

УДК 930.85(520)(075.8)«06/18»
ББК 63.3(5Япо)

Цветов В. Я.

Пятнадцатый камень сада Рёандзи / В. Я. Цветов — «Алисторус», 2026 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00269-164-7

Советский журналист-международник Владимир Цветов провел в Стране восходящего солнца много лет и постоянно писал о ней. Он был одним из первых (наряду с Овчинниковым), кто познакомил советский народ с бытом современной ему Японии. Цветов пишет о древних храмах и традициях, о буддизме и синто, о трудоголизме и современных технологиях, о системе пожизненного найма и о многом другом. Его работа уникальна в своей точности и глубине. Книга переиздается впервые с советского времени. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 930.85(520)(075.8)«06/18»
ББК 63.3(5Япо)

ISBN 978-5-00269-164-7

© Цветов В. Я., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Обращение к читателю из сада монастыря Рёандзи 6
Глава первая, рассказывающая о легендах, похожих на правду, о правде, напоминающей легенду, и о том, отчего это происходит 10
Глава вторая, рассказывающая, как легенда о манкуртах нашла современное продолжение 20
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Владимир Цветов
Пятнадцатый камень сада Рёандзи

© Цветов В. Я., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Обращение к читателю из сада монастыря Рёандзи

«Сад камней», «Философский сад», «Сад Рёандзи»… Десятки имен у главной достопримечательности японского города Киото и, вероятно, самой большой его ценности, и десятки толкований сути, какую вложил столетия назад мудрый монах Соами в пятнадцать черных необработанных и разных по величине камней, разбросанных по белому песку.

Я сказал «пятнадцать камней», потому что столько указано в путеводителе. На самом деле замечаешь лишь четырнадцать. Пятнадцатого камня перед глазами нет. Его загораживают соседние. Делаешь шаг по деревянной галерее, протянувшейся вдоль края песчаного прямоугольника – с остальных трех сторон сад ограничен каменными монастырскими стенами, – и снова четырнадцать камней. Пятнадцатый – тот, что до сих пор прятался, теперь оказался в их числе, а исчез другой камень. Еще шаг по галерее, и гениально спланированный хаос предстает опять в иной композиции, состоящей из все тех же пятнадцати камней, из которых один – невидим.

Телевизионный корреспондент обладает важным преимуществом: он может наблюдать мир с точек, часто недоступных никому другому, включая коллег-журналистов, чьи орудия труда – ручка и блокнот. Телекамера в руках оказалась пропуском, который позволил встать на запретной почти для всех стороне сада – той, что напротив галереи, и через камни взглянуть на людей, смотревших на сад.

Сад Рёандзи.

Одни долго и отрешенно от экскурсионной сутолоки созерцали камни, как это, наверное, делали знакомые нам по гравюрам Хокусая люди в ту пору, когда суетливо-шумных туристских гидов, если бы они тогда появились, непременно побросали бы живыми в кипящий котел. Другие, покоряясь темпу экскурсовода, в свою очередь, не дрогнувшего бы заживо сварить врагов массового туризма, успевали лишь сфотографировать с галереи сад, благо теперешняя автоматическая наводка на резкость позволяет щелкнуть фотозатвором даже из тесной спе-

шащей толпы. Да еще хватало им времени пересчитать камни, словно проинвентаризировать стройплощадку, которую забыли прибрать нерадивые каменщики.

Разные люди проходили по галерее. И разные мысли вызывал у них сад. «Сад камней» может символизировать собой своеобразие экономической структуры Японии, где утесы монополистического капитала возвышаются над морем песчинок – бесчисленных мелких и мельчайших предприятий. Я привел слова, родившиеся, мне кажется, между двумя спусками автоматического фотозатвора. Ассоциация бесспорная, что касается японской экономики, но воспринимающаяся в «Саду камней» будто скрежет гвоздя по ржавому железу.

«Это была наглядная модель познания, метафора науки. Обязательно остается что-то неизвестное, несосчитанное, неучтенное. Мы уверены, что мы видим то, что есть, до конца, и в голову не придет, что есть что-то еще, чего мы не видим» – итог размышлений в саду человека, кому достало воли и подлинного интереса к мудрой красоте, чтобы предать анафеме зычного гида-спринтера и отложить на время фотоаппарат.

Я привел полярные по чувствам и эстетической подготовленности восприятия «Сада камней». Но не напрасны ли вообще попытки искать в самом саде смысл творения Соами? Что, если «Сад камней» сродни тем вопросам-загадкам, на решении которых ревнители дзэн-буддизма оттачивали свою способность открывать неожиданные стороны явлений?

Среди обошедших зарубежную и нашу литературу канонических вопросов-загадок есть такая: «Хлопок обеими руками слышал всякий. А как звучит хлопок ладонью одной руки?» Легенда утверждает, что юный последователь дзэн-буддизма, ломавший голову над вопросом-загадкой, перебрал все существующие в природе звуки. Даже песню гейш, журчание бегущей воды, шум ветра, крик совы предлагал он в качестве ответа. Но безуспешно, разумеется. И тогда к нему пришло озарение: «Да это же звучание тишины!»

Цукубаи в храме Рёандзи.

Я не отношу себя к приверженцам дзэн-буддистских догм, однако озарение – разве только их прерогатива?

С противоположной стороны сада я смотрел на галерею, заполненную людьми. Совершенно одинаковое количество камней представало их взору. Но каждый видел свои четырнадцать камней. Может, Соами хотел сказать, что дело не в камнях, а в людях, которые в сад приходят? Уж не в том ли суть сада, что люди воспринимают одно и то же по-разному, каждый – по-своему? И при этом никому не приходит в голову утверждать: я вижу мир правильно, а остальные – нет? Может быть, ключ к идее, заложенной в «Саде камней», – это конституция, составленная, как утверждают японские хроники, принцем Сётоку еще в VII веке и по сию

пору поражающая глубиной рассудка? «У каждого человека есть сердце, – гласит статья конституции. – А у каждого сердца есть свои наклонности. Он считает это хорошим, я – дурным. Я считаю это хорошим, он – дурным. Но я вовсе не обязательно мудрец, а он вовсе не обязательно глупец. Оба мы только обыкновенные люди».

В этой книжке я хочу поделиться своим пониманием японцев, их поведения, их нравов. Задумывая книжку, я вспомнил снятый мною очерк о «Саде камней». Телезрители увидели сад, каким он представился мне с того места, с которого смотрел на сад я. В коротком телеочерке нельзя было показать сад с разных точек. Но от этого другое видение сада не перестало существовать, а мое видение не сделалось самым правильным. Точно так же не могут не существовать иные, чем мои, оценки явлений, описанных в книжке, и не могут не быть эти оценки столь же истинными, если взглянуть на явления с отличной от моей точки зрения.

Накануне отъезда из Японии, где я провел почти восемь лет, мне попались записки английского путешественника Петри Ватсона, изданные в начале нынешнего столетия. «Если вы пробыли в Японии шесть недель, вы все понимаете. Через шесть месяцев вы начинаете сомневаться. Через шесть лет вы ни в чем не уверены», – подвел Ватсон итог своим японским впечатлениям. Мои два лишних японских года ничего не меняют. Я, как и Петри Ватсон, уехал из Японии во многом сомневающимся. И тем не менее решился написать книжку. Если на это осмелился Петри Ватсон, если рассказать о Японии дерзнули другие путешественники, журналисты, писатели, то почему не могу рискнуть я? Когда же сказанное мною в книжке покажется читателю спорным, вспомните о «Саде камней», где каждый видит свои четырнадцать камней.

Глава первая, рассказывающая о легендах, похожих на правду, о правде, напоминающей легенду, и о том, отчего это происходит

«Японцам не повезло, как не повезло героям некоторых посредственных романов нашей литературы; их изображали только одной краской – или розовой, или черной». С тех пор, как Илья Эренбург написал это, сплошь черной краски в изображении японцев американскими и западноевропейскими авторами заметно поубавилось, но розовый цвет приобрел мрачный оттенок.

Генерала Макартура, командовавшего американскими оккупационными войсками в Японии, никак не отнесешь к прозорливым мыслителям, но, выступая вскоре после увольнения из армии перед промышленниками американского города Цинциннати, он, обозленный, видимо, отставкой, в сердцах бросил фразу, сделавшуюся пророческой. «Пока я был там, Япония была вашим клиентом, – сказал Макартур, чей апломб значительно превосходил полководческие способности. – В будущем в некоторых областях клиентами станете вы».

И это время пришло. «Перед нами стоит задача не отстать от Азии!» – всполошилась американская газета «Чикаго трибюн», явно склонная к экзальтации. Серьезные политики, журналисты, ученые, бизнесмены высказываются хладнокровнее. Япония тоже вызывает у них тревогу, но она смешана пополам с восхищением. На вопрос, какая самая важная проблема встанет перед американским бизнесом в предстоящие десять лет, вице-президент одной из крупнейших американских корпораций ответил: «Самая важная проблема – не технология или инвестиции, не экономическое регулирование или инфляция. Самая важная проблема – как мы прореагируем на следующий факт: японские методы управления производством лучше, чем наши».

Ворота Саммон в храме Рёандзи.

Франция решительно предпринимает жесткие меры против японского экспорта, когда он начинает наносить слишком уж болезненные удары по французским предпринимателям, прежде всего – по производителям промышленной и бытовой электроники. Но французские руководители отдают себе отчет в низкой конкурентоспособности собственных товаров в сравнении с японскими. «Теперешняя революция в электронике является первой научно-технической революцией, которая зародилась не в Европе, а в бассейне Тихого океана, – с горечью констатировал премьер-министр Франции Лоран Фабиус. – Наши страны слишком малы, – премьер-министр подразумевал членов Европейского экономического сообщества, – чтобы осуществить по отдельности требуемые для этого колоссальные капиталовложения».

Два американских государственных секретаря – Сайрус Вэнс в администрации Картера и Джордж Шульц в рейгановском правительстве – розовым цветом рисовали японского, самого преданного союзника Соединенных Штатов, но тревоги своей скрыть все же не могли. «Если не считать отношений с Советским Союзом, то от отношений с Японией станет зависеть будущее Америки, – утверждал Вэнс и объяснял, почему он так думает: – Быстро и неуклонно подбираются японцы к важным позициям в мировой экономике и политике». В высказывании Шульца отчетливо прозвучала нота безвыходности. «Соединенным Штатам пришлось, безусловно, приспособиться к тому, что японцы очень укрепили свои позиции за последние 25 лет и ныне представляют собой совершенно иное явление, чем раньше», – сказал государственный секретарь.

Сами японцы не устают восхвалять себя. Их изображение собственных успехов лишено, разумеется, даже намека на темный оттенок. Наоборот, к розовой краске обильно добавлена позолота – для большего блеска картины. «Центр мировой экономики перемещается в район Тихого океана, – гордо возвестил Цунао Окумура, бывший президент гигантской компании ценных бумаг „Номура сёкэн“. – До XVIII века Средиземное море было средоточием мировой экономической, политической и военной активности. Эта эпоха связана в нашем сознании с Римом, – сделал краткий экскурс в историю финансовый магнат. – Затем центр мировой экономики переместился в Атлантический океан и мировым лидером стала Великобритания, но позже она уступила лидерство Соединенным Штатам. Со второй половины XX века фокус мировой активности перемещается из Атлантики в Тихий океан. „Паке Американа“ идет на убыль, – сказал далее финансист и подвел к главному, что хотел внушить, – сердце Тихоокеанского региона – это Япония со стомиллионным монорасовым населением и с экономикой, которая развивается успешнее, нежели экономика любой другой страны капиталистического мира».

В словах финансового воротилы заключена определенная доля истины. Темпы японского экономического роста хотя и снизились после энергетического кризиса 1973 года, но продолжали оставаться более высокими, чем в США и странах Общего рынка. В 1981–1982 годах инфляция в Японии увеличивалась вдвое медленнее, чем в Западной Европе, процент безработицы был втрое меньше, чем в Соединенных Штатах.

«Мы долго равнялись на Запад, как, в частности, это делала Япония на ранней стадии своего развития, – сказал в 1982 году премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад. – Но Запад более не дает нам подходящей модели развития. Он утратил динамизм. Если мы будем его копировать, то нас затянет трясина экономического застоя. Поэтому Япония является для Малайзии более подходящим образцом».

Избравшему для страны капиталистический путь развития правительству Малайзии требовался такой пример, который помог бы заставить малайзийцев поверить в безошибочность выбора. По экономическим дисциплинам у США и Общего рынка отметки были низкие, у Японии же – на нынешнем этапе развития мирового капиталистического хозяйства – они оказались намного выше. Это соображение, как несложно предположить, и подтолкнуло Махатхира Мохамада на розовую оценку японских экономических показателей. Однако внешнеэкономи-

ческую политику Японии, в частности ее действия в торговле с Малайзией, премьер-министр охарактеризовал совсем иначе, назвав их колониализмом.

Выдвижение Японии в первые ряды экономически развитых капиталистических стран – очевидный факт. Вывод из него напрашивается сам собой. Но он далеко не нов, этот вывод.

«Япония должна быть предметом всеобщего изучения и стать постоянным и обязательным предметом в наших средних учебных заведениях так же, как Европа, потому что новая Япония уже стоит наравне с государствами Европы по своей военной мощи и культурному уровню». На титульном листе книжки, откуда я взял цитату, значилось: «Санкт-Петербург, 1905 год».

Семьдесят восемь лет спустя американский еженедельник «Тайм» написал: «Япония сделалась слишком мощной и слишком глубоко интегрированной в остальной мир, чтобы оставаться столь мало понятной и мало понимаемой». А еще через два года западногерманский журнал «Ауссенполитик» выразил тревогу по поводу того, что «с большим трудом удается совмещать в своих представлениях Японию – страну созерцательного мировоззрения, эстетического отношения к действительности, коллективизма в человеческих отношениях, тесной связи человека с природой, край храмов и садов – с Японией, страной жестокой, безжалостной конкуренции, внушительной тяжелой промышленности, технического прогресса, растущей численности промышленных роботов, городов-гигантов и многих других последствий мощного роста экономики». Журнал «Ауссенполитик» предложил рецепт, выписанный впервые восемьдесят лет назад, в 1905 году, но полезный и сегодня в силу неоспоримой его действенности. «Одной из основных предпосылок ликвидации такого положения явилось бы более углубленное, чем теперь, изучение Японии», – указал журнал.

Район Синдзюку в 1980-е – финансовый центр Японии того времени.

Что касается изучения японской технологии, то в США уже последовали советам вроде тех, что дали «Тайм» и «Ауссенполитик». Осенью 1985 года в Филадельфии была создана Служба японской технической информации. В Массачусетском технологическом институте впервые начали преподавать японский язык. Американский журнал «Кэмикл эбстрактс» уже печатает резюме статей из 1500 японских периодических изданий, посвященных химии. Нью-йоркская фирма «Инжиниринг информейшн» публикует рефераты материалов, берущихся из

150 японских технических журналов. И все равно почти 10 тысяч таких журналов, издающихся в Японии, остаются даже не прочитанными в США. В сенат был направлен законопроект об ассигновании министерству торговли 1 миллиона долларов для более тщательного изучения японской технологии. Часть этих денег планируется израсходовать на разработку программы для ЭВМ, переводящих с японского языка на английский.

С необходимостью больше знать и правильнее понимать Японию приходится, я думаю, согласиться и нам.

Советское научное японоведение – самое, пожалуй, обширное и основательное. И в то же время широкая публика знает о Японии обидно мало в сравнении с той ролью, какую играет Япония в современном мире. Икебана, карате, чайная церемония, названия «Тойота» и «Сони», которые у всех на слуху, не в счет. Ведь нельзя же в конце концов слыть сведущим в русской жизни, освоив рецепт приготовления борща по-московски, правила игры в лапту и научившись расшифровывать сокращения «ЗИЛ» и «ВЭФ».

Мы с детства знакомы с Робин Гудом. А многие ли слышали о японском аналоге дерзкого разбойника? Не торопитесь, однако, краснеть от стыда. Не все японоведы знают об этой странице истории Японии.

Собор Парижской Богоматери представляет себе каждый из нас, так как наверняка все видели храм на иллюстрациях в книгах Гюго, в крайнем случае запомнили по кинофильмам. Но может ли кто-либо, помимо побывавших в Японии, хотя бы приблизительно обрисовать «Кинкакудзи» – киотский «Золотой павильон», которому повезло на внимание японских писателей и кинематографистов не меньше, чем собору Парижской Богоматери – на внимание французских?

Очень мало людей, которые не знают о научном подвиге Ньютона и Лейбница. А кому ведом японский математик Сэки Кова, разработавший в начале XVIII века «Законы круга», которые по научному значению могут быть приравнены к анализу бесконечных величин Ньютона и Лейбница?

Верно замечено, что для близкого знакомства с Японией требуется путеводитель. Он действительно необходим, потому что некоторые стороны японской действительности не просто белое пятно на карте наших знаний. Японский быт, характер японцев, их представления о жизни – это еще и Алисино Зазеркалье, где очень многое оказывается не таким, иным и даже диаметрально противоположным тому, что привыкли представлять мы.

Анекдот, обросший бородой Черномора: входя в дом, мы снимаем шапку – японцы снимают ботинки. Наблюдение более «юное»: нам привычнее персональная ответственность за порученное дело, японцам – коллективная. Русская мать, желая приструнить не в меру расшалившегося ребенка, обычно пугает: «Смотри, из дома больше не выйдешь». В сходной ситуации японская мать прибегает к совершенно противоположной угрозе: «Смотри, в дом больше не войдешь». Объяснившись в любви, мы бросаемся друг к другу в объятия. Японцы поворачиваются друг к другу спиной. Строгая, мы ведем рубанок от себя, а японцы – к себе. Мы высоко ценим специалистов, профессионалов. Японцы предпочитают тех, кого мы неодобрительно назвали бы «всезнайками».

– Что за люди японцы? – часто спрашивают у меня. Однажды я ответил на вопрос рассказом об инженере, который выполнял срочное производственное задание и целую неделю на 3–4 часа задерживался по вечерам в конструкторском бюро. Когда работа была завершена, инженеру разрешили уходить домой раньше обычного. На третий день инженер услышал от своей матери: «Прошу тебя, иди в кино, в бар, куда угодно, но только не возвращайся так рано. Соседи начинают плохо о тебе думать, а мне трудно объяснить им правду». Инженер не сделался завсегдатаем увеселительных заведений. Он попросту отказался от вполне заслуженных «отгульных» часов.

– Странные они какие-то, – убежденно резюмировал мой рассказ собеседник, интересовавшийся, что за люди японцы.

Чтобы получить японские водительские права, я сдавал в Токио экзамен по правилам дорожного движения. В экзаменационном билете среди других вопросов значился и такой: «По вашей вине случилось дорожно-транспортное происшествие, в результате которого повреждены автомашины. Что вам следует предпринять?» Были приведены варианты ответа: «1. Сообщаю в полицию. 2. Сообщаю в полицию и договариваюсь с пострадавшими о возмещении ущерба. 3. Договариваюсь с пострадавшими о возмещении ущерба и не сообщаю в полицию». Экзаменатор – полицейский офицер – предложил определить, какой из ответов правильный. Я указал, естественно, на первый: «Сообщаю в полицию». Экзаменатор недоуменно пожал плечами и ткнул пальцем в третий: «Договариваюсь с пострадавшими о возмещении ущерба и не сообщаю в полицию». Именно этот ответ, по японским понятиям, был верным.

Из сибирского города Шелехов корреспондент прислал в Москву в редакцию радиорепортаж о визите в городской совет делегации японского города-побратима Нэагари. Глава делегации – мэр Нэагари – начал свое приветственное слово с того, что попросил председателя исполкома выделить для него место на городском кладбище. «Я не собираюсь сию минуту умереть, – поспешил объяснить японский мэр, заметив, как вытянулись лица у присутствовавших, – но и вечно жить невозможно. Я хочу, – привел корреспондент дальнейшие слова мэра, – чтобы мой прах покоился здесь и чтобы этим самым наши побратимские связи укрепились еще больше».

– Слишком мрачный юмор для репортажа на тему о дружбе, – вынес приговор редактор и отправил информацию в мусорную корзинку.

Подробного и, главное, точного путеводителя по японской жизни никогда не было. Нет его и сейчас. Очерковых книг и популярных статей о Японии хватит, чтобы из них одних составить хорошую библиотеку, и все же каждый, кто приезжает в эту страну, чувствует себя новым Колумбом, потому что непременно сталкивается с чем-то удивительным, нигде и никем не описанным, и с чем-то совершенно непонятным. А разобраться, постичь и, разумеется, оповестить об этом читателей газет и журналов, телезрителей, радиослушателей ужасно хочется. И вместо того чтобы заглянуть в серьезные японоведческие труды, в которых проанализированы и объяснены многие стороны японской действительности, начинается укладывание непонятного и непонимаемого, нет, не на прокрустово ложе, это было бы еще не так плохо, а на прокрустову табуретку стереотипов своего мышления, и в результате получаются «лошади с распухшей спиной», как окрестили японцы верблюдов, впервые столкнувшись с ними и подвергнув тогдашнее понятие об этих животных обработке на собственном прокрустовом орудии пыток.

Известная писательница украсила журнальный очерк о Японии фотографией, запечатлевшей девушек в микроскопических «бикини» на бедрах и в шутовских цилиндрах на голове с надписью крупными латинскими буквами «Кабуки» над франтовато загнутыми полями. «Зазывалы в знаменитый японский театр», – сопроводила писательница подписью фотографию, хотя девушки зазывали в ночной бар, именовавшийся «Кабуки». Уверен, автор очерка громко рассмеялась бы, если б прочла в зарубежном журнале, что билеты в Большой театр навязываются у нас «в нагрузку» к карточкам «Спортлото». Но сама-то написала она примерно то же самое.

Маститый литератор озаглавил свой роман из японской жизни словом, которое звучит по-японски, но которого в японском языке нет и никогда не было. Однако литератор и, судя по всему, издательство, выпустившее роман, были непоколебимо уверены, что в переводе иероглифы означают: «совершенно секретно», и убеждали в этом читателей. Литератор выступал время от времени с публицистическими статьями, и несложно представить едкость его вполне закономерного сарказма, если бы довелось ему писать об опубликованной за границей книжке

о русских, на обложке которой значилось бы неведомое слово «Яиссор» («Россия», если читать сзади наперед), и автор считал бы, что именно так зовется наша страна.

Подобные выдумки можно отнести к разряду смешных и безобидных. Но о Японии рождаются легенды вредные и даже опасные, и одна из них – легенда о необыкновенном японском трудолюбии.

«Трудоголизм»

Основоположником западного мифотворчества на японскую тему следует, на мой взгляд, признать венецианца Марко Поло. Вернувшись с Дальнего Востока, он оповестил тогдашнюю европейскую общественность о том, что японские дома сплошь покрыты чистым золотом и золотом же, толщиной в два пальца, устланы полы. Небылица звучала заманчиво и красиво, подобно столь же аутентичному утверждению, что в Индии «не счесть алмазов в каменных пещерах».

Однако теперешние легенды создаются не для каминных бесед и не для оперных подмостков. Япония обошла американского и западноевропейских конкурентов по многим показателям. С 1950 по 1973 год среднегодовой рост в Японии валового внутреннего продукта составил 10,5 процента. Этот показатель для всего остального капиталистического мира был вдвое меньшим. С 1976 года, когда японская экономика несколько оправилась от разрушительных последствий энергетического кризиса, валовой внутренний продукт увеличивался в Японии среднем на 4,7 процента ежегодно, опять же вдвое быстрей, чем в США, Англии, ФРГ или Франции. Производительность труда в японской обрабатывающей отрасли возрастала в течение двух последних десятилетий в среднем на 8,2 процента в год, в то время как в США – на 3,3 процента и в ФРГ – на 5,5 процента. Количество бракованной продукции в японской обрабатывающей отрасли уменьшилось до 1,2 процента. В США и ФРГ брак достигал 14 процентов и в Англии – 10 процентов. Текучесть рабочей силы в японской обрабатывающей отрасли упала до 2,5 процента и в среднем по стране – до 6 процентов, а в США текучесть кадров подскочила до 26 процентов.

В 1981 году на состоявшемся в Женеве Европейском форуме по проблемам управления экономикой был оглашен список из 21 страны, расположенной по степени конкурентоспособности производимых ими товаров. Япония возглавляла список.

Рекламная кампания Sony. В 1970–1980-е эта компания покорила весь мир.

Объяснение японского рывка действием закона неравномерности экономического развития капитализма показалось слишком рискованным для буржуазных ученых. Они предпочли науке мифы и легенды и ступили на тропинку, давно протоптанную церковниками, изобретя в лице Японии нового Мессию. Не все для капитализма потеряно, стараются внушить эти

идеологи трудящимся массам в США, Западной Европе, все более сомневающимся в способности капитализма выбраться из повторяющихся экономических кризисов. Восприняв черты японского характера, прежде всего трудолюбие, освоив методы японского промышленного и социального менеджмента, в основе которого – все та же любовь к труду, еще можно выжить, утверждают апологеты капитализма, как выжила в двух последних по времени экономических потрясениях Япония. И не только выжила, добавляют они, но и преуспевает в сравнении с другими капиталистическими странами. Такова идея огромного числа книг, что сочинены в США и Западной Европе и снабжены кружащими голову названиями: «Подымающееся японское сверхгосударство», «Японский вызов», «Япония – первая в мире».

Апологетикой пронизаны и сочинения, выходящие в самой Японии. В брошюре, изданной Федерацией экономических организаций, этим штабом японских монополистов, авторы без малейшего смущения заявляют, что мир излечится от своих болезней, если станет подражать Японии.

Не скрывая самодовольства, японцы шутят: «Мы, как Байрон, в одно прекрасное утро проснулись и выяснили, что знамениты». Однако не в обычае японцев оставлять без максимального практического применения любое явление, в том числе и собственную славу. Ее приспособили к достижению идеологической цели, воспользовавшись уже испытанной схемой.

В конце XIX – начале XX века Япония приступила к империалистическим захватам, и ей потребовалось идеологическое оправдание заморского разбоя. Исключительность Японии, ее предназначение править миром были оформлены в концепции «духа Ямато». Ямато – древнее название Японии.

В сатирической повести «Ваш покорный слуга кот», в которой японский писатель Сосэки Нацумэ едко высмеивает милитаристских идеологов, есть такие слова:

«Дух Ямато! – воскликнул японец и закашлялся, словно чахоточный. Дух Ямато! – кричит газетчик. Дух Ямато! – кричит карманщик. Дух Ямато одним прыжком перемахнул через море. В Англии читают лекции о духе Ямато! В Германии ставят пьесы о духе Ямато… Все о нем говорят, но никто его не видел. Все о нем слышали, но никто не встречал. Возможно, дух Ямато одной породы с тэнгу».

Тэнгу – нечто, смахивающее на лешего.

После агрессивной войны на Тихом океане, приведшей к позору капитуляции, после Хиросимы и Нагасаки предлагать японскому народу «дух Ямато» для исповедания – нелепо. Но можно попытаться заставить народ снова поверить в исключительность Японии, возглашая: «Японское экономическое чудо!», «Особенный японский характер!», «Необыкновенное японское трудолюбие!». Тэнгу вытащен из лесу и опять превращен в национальный символ. И не без успеха. В 1953 году 20 процентов опрошенных японцев считали себя существами более высокого порядка, чем американцы и европейцы. Пятнадцать лет спустя подобную шовинистическую убежденность выразили в ходе опроса уже 47 процентов взрослого населения страны. Остается совсем немного до того момента, когда кое-кто из японцев вознамерится снова провозгласить себя «божественной нацией».

Заповедник экономических чудес, обиталище существ, наделенных особенным характером, самая отличительная черта которого – необыкновенное трудолюбие, нуждаются в защите, а для этого нужна сильная и большая армия – еще один довод среди других, столь же лживых, в пользу наращивания японской военной мощи.

«Японское трудолюбие! – кричит газетчик. Японское трудолюбие! – кричит карманщик. Японское трудолюбие одним прыжком перемахнуло через море. В Англии читают лекции о японском трудолюбии! В Германии ставят пьесы о японском трудолюбии… Все о нем говорят, но никто его не видел. Все о нем слышали, но никто не встречал…»

Мне кажется, весьма правомерно таким образом перефразировать цитату из Сосэки Нацумэ.

А в самом деле, кто видел японское трудолюбие? Кто его встречал?

Некоторое время назад крупная японская газета «Асахи» задалась целью выяснить, как японцы распорядились бы своим временем, будь у них возможность выбирать занятие. Лишь два процента опрошенных заявили, что отдали бы часть своего времени труду. Остальные 98 процентов, перечислив самые разные способы времяпровождения, о труде так и не вспомнили.

Организаторы исследования поставили перед опрашиваемыми и такой вопрос: во имя чего они трудятся? Оказалось, что только 5,8 процента японцев трудятся, чтобы приносить пользу обществу. Подавляющее же большинство назвало труд «неизбежным злом». Вспоминается точное наблюдение современного японского публициста Такэси Кайко: «Правило японского чиновника: не отдыхать, не опаздывать и не работать».

Да и откуда в классовом обществе взяться любви к труду? Недаром в японской народной песенке поется:

Рис толочь в муку для теста —
Невеселая работа:
Бей пестом, а сам не пробуй! —
Сердце жжет от злобы!

Народ может не знать, но он чувствует. Вряд ли безвестный автор песенки был знаком с основами политической грамоты, однако интуитивно он выразил в незатейливых строках верную мысль: подлинное трудолюбие возможно, если работа является содержательной, творческой, если результатами труда пользуются сами же работники.

«Около шестидесяти процентов населения Токио ютятся в домишках, похожих на клетки для птиц, – написал публицист Такэси Кайко. – …Стены в таких домах тонкие, фундаменты хлипкие – такое сооружение сотрясается от каждого проезжающего мимо грузовика или самосвала. За тонкими окнами, – продолжил Кайко, – нескончаемый шум, загрязненный воздух, выхлопные газы. И трудно становится понять, для чего они служат: то ли чтобы проветривать комнату и выпускать наружу застойный воздух, то ли чтобы впускать внутрь еще более загрязненный воздух улицы. Внутри „птичьих клеток“ ревут младенцы, кричат женщины, воздух пропах запахом пеленок. И господин Рип ван Винкль – такое иносказательное имя дал Кайко японцам – в субботний или воскресный день медленно встает со стула, выходит на улицу и никем не понукаемый отправляется в свой офис».

Писателю вторит экономист.

«Куда бы вы ни поехали или ни пошли, чтобы отыскать место для отдыха, везде все будет переполнено, – свидетельствует важный чиновник из японского правительственного Управления экономического планирования. – И поскольку вы так и не найдете, чем вам заняться в выходные дни, почему бы не отправиться на работу?»

Возникает закономерный вопрос: если это не трудолюбие, то что?

«Трудоголиками» – по аналогии с алкоголиками – окрестили американцы японцев, похожих на тех, о ком рассказали писатель Такэси Кайко и чиновник Управления экономического планирования. От прозвища разит высокомерием и японофобией, однако ему нельзя отказать в известной меткости. С прозвищем соглашаются японские специалисты в области менеджмента, кого не ослепила выдумка о «японском чуде». Президент токийской компании «Менеджмент Интернэшнл» Мицуюки Масацугу, консультирующий японских и зарубежных предпринимателей по вопросам организации производства, написал в книге «Общество современных самураев»:

«У нынешней молодежи недостает силы духа переделать общество. Мало того, ее интересы состоят лишь в том, чтобы жить приятной комфортабельной жизнью. Приключения с реформами не для нее».

С резкостью и прямотой, весьма неожиданными для представителя истеблишмента, Мицуюки Масацугу дал верную характеристику той части японской молодежи, что позволила обществу потребления одурманить себя. Последующий анализ менеджера-теоретика оказался еще более язвительно-острым. Мицуюки Масацугу написал:

«Чтобы стать обладателями товаров и услуг, делающими жизнь приятной и комфортабельной, молодые люди соглашаются усердно работать и подчиняться групповому мышлению. Но в действительности они горькие и безнадежные „трудоголики“. Труд для них – неизбежное зло. Они не находят в труде удовлетворения. Желая заглушить чувство безнадежности, испытываемое в процессе труда, они все больше и больше покупают товаров и услуг, которые хотя бы временно предоставляют возможность забыть о ненавистном труде».

Сбросив с пьедестала изваянную недобросовестными скульпторами легенду о японском трудолюбии, Мицуюки Масацугу разнес вдребезги и сам пьедестал, сложенный из догм потребительской идеологии. В книге менеджера говорится: «Получается порочный круг. Тщетность попыток обрести свое „я“, которое принесено в жертву постылому труду, приводит к тому, что молодежь предается в свободное от работы время бездумным удовольствиям. Таким образом, молодежь эксплуатируют дважды: сначала как „работающую машину“, а потом как „потребляющую машину“. Без той и другой капиталистическое производство существовать не может. И получается, что молодежь одновременно и „трудоголики“, и „вещеголики“, то есть она – механизм, автоматически выполняющий функции производства и потребления».

Сказанное относится не только к молодежи, а ко всем японцам. И как тут не вспомнить слова Льва Толстого, что при определенных обстоятельствах труд оказывается «нравственно анестезирующим средством, вроде курения или вина, для скрывания от себя неправильности и порочности жизни».

Но «трудоголиками», как и алкоголиками, не рождаются. Ими становятся. Как, на мой взгляд, это произошло в Японии, и пойдет речь.

Глава вторая, рассказывающая, как легенда о манкуртах нашла современное продолжение

Ларец без секрета

Мне казалось, что за годы, проведенные в Японии, я привык к самым неожиданным лозунгам и нравоучительным надписям, которыми неизменно испещрены стены в заводских цехах и служебных помещениях частных фирм и государственных учреждений. Однако начертанный крупными иероглифами плакат в цехе телевизорного завода концерна «Мацусита дэнки» заставил меня остолбенеть. Да и как было не изумиться, если на плакате значилось: «Кадры решают все!»

Приданный мне и кинооператору для помощи в съемках сотрудник концерна обеспокоенно оглянулся вокруг: что ошеломило иностранца? Не обнаружив, надо полагать, ничего странного в цехе, сопровождающий недоуменно уставился на меня.

– Что-нибудь случилось? – осведомился он.

Я показал на плакат.

– Что это?

– Это? – переспросил сопровождающий теперь уже не встревоженным, а растерянным тоном, словно на плакате было написано, что дважды два – четыре или что лошади кушают овес. – Ну-у, так это же главный принцип «Мацусита дэнки»! – сказал сотрудник концерна. Теперь он недоумевал уже по поводу моей непонятливости.

Сотрудник концерна так и не догадался, почему поразил меня плакат. Не догадался потому, что до выраженной на плакате мысли японские менеджеры додумались сами и не совершили плагиата. Я вспомнил лозунг, увиденный на заводе автомобильной фирмы «Ниссан». Он звучал не столь знакомо, но содержал одинаковый смысл: «Предприятие – это кадры!»

В одной из судостроительных компаний на торжествах по поводу спуска на воду только что построенного судна я воспользовался присутствием сразу нескольких членов совета директоров – высшего коллегиального органа компании – и задал вопрос:

– Кто в совете, помимо председателя и президента, самый главный?

– Все члены совета директоров равны между собой, – последовал ответ.

– С формальной точки зрения так это, наверное, и есть, – не сдавался я. – Но все же, кто из вас самый влиятельный?

Руководители компании, не сговариваясь, сказали:

– Тот, кто ведает кадрами.

В голубых отутюженных курточках, украшенных эмблемой электронного концерна «Мацусита дэнки», кадры у конвейера, на котором собирались телевизоры, выглядели близнецами. Если б не фамилии, вышитые оранжевыми нитками над левым кармашком курточек, близнецов не распознал бы, наверное, и мастер, который время от времени подходил к рабочим. Каждые десять секунд голубые курточки снимали с конвейерной ленты ощетинившиеся мельчайшими проводками панели и клали перед собой. Восемнадцать аккуратно подстриженных черных голов склонялись над панелями, что-то припаивали или привинчивали к ним, и руки опять взлетали над конвейером, чтобы положить панели обратно на ленту и взять новые. Синхронностью и точностью движений рабочие напоминали хорошо вышколенный кордебалет на сцене первоклассного театра, гребцов в лодке, финиширующих в решающем заезде.

– Производительность труда в концерне «Мацусита дэнки» выше, чем на любом аналогичном предприятии Соединенных Штатов или Западной Европы, – сказал сопровождающий

и не без гордости добавил: – Наши телевизоры выходят из строя в 16 раз реже, нежели любые другие в мире.

Почти полтора часа продолжалась в цехе наша съемка. В глаза рабочим светили юпитеры. Кинооператор приближал объектив камеры чуть ли не к самым лицам. Но нас будто и не видели. Никто не сделал лишнего жеста. Никто ни разу не отвернулся от конвейера, не произнес ни единого слова, не улыбнулся. И здесь я понял, насколько правы японские менеджеры, уподобившие средневековым алхимикам тех западных журналистов, экономистов, социологов, которые пытались выискать только в передовой технологии и новейшем оборудовании разгадку более быстрых, чем в других развитых капиталистических странах, японских темпов роста экономики и производительности труда, причины более высокого качества продукции.

Я наблюдал за голубыми курточками у сборочного конвейера и думал: ларец-то, хранящий японскую тайну, открывается, вероятно, очень просто. Достаточно соотнести увиденные в цехах «Мацусита дэнки» и «Ниссан» конвейеры и плакаты над ними с тем, что написано в японских учебниках менеджмента, чтобы суметь легко откинуть крышку ларца. «Увеличение продуктивности производства, – читаем в одном из таких учебников, – достигается в первую очередь не внедрением передовых технологических методов, хотя они, без сомнения, чрезвычайно важны, а организацией менеджмента. Этим термином именуется координация и объединение в процессе производства индивидуальных усилий и предоставление работающим побудительных мотивов, которые, во-первых, стимулировали бы координацию и объединение и, во-вторых, способствовали бы совмещению взглядов и целей всех или по крайней мере большинства участников производства. Выражаясь проще, – резюмировалось в учебнике, – увеличение продуктивности производства находится в прямой зависимости от эффективности использования трудовых ресурсов».

Японские менеджеры раньше, чем их американские и западноевропейские конкуренты, приняли во внимание, что первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся.

– Нет, нет, мы не стали исповедовать марксизм! – Рюити Хасимото, известный в Японии теоретик менеджмента, всплеснул руками и громко рассмеялся. – Мы попросту увидели, что, несмотря на тяжелейшие испытания – одна лишь Вторая мировая война чего стоила! – социализм, Советский Союз все же выжили. Более того, ваша страна кое в чем превзошла Америку! – По тону, с каким говорил менеджер, казалось, что, изумившись однажды, менеджер так и остался ошарашенным навсегда. – В отличие от России, в Америке население утратило доверие к правительству, – принялся перечислять мой собеседник те «кое-что», где социализм оказался сильнее, – нет надежды на решение вопроса о преступности, углубляется кризис больших городов, увеличивается безработица, растут инфляция и дефицит государственного бюджета… – Хасимото вдруг смолк и совершенно неожиданно рассмеялся снова, на сей раз несколько неуверенно – «кое-что» превращалось во внушительный список. – Короче говоря, – заторопился менеджер подвести итог, – главный для социализма постулат о рабочем как о первой производительной силе действен, сделали вывод мы, – Хасимото ткнул себя пальцем в грудь, – и решили взять этот вывод на вооружение.

Разговор с менеджером начался с моего вопроса, почему американский бизнесмен вкладывает деньги сначала в капитальное строительство, в технологию, в оборудование и только потом в персонал, тогда как японский бизнесмен – прежде в персонал, а уж затем в капитальное строительство, технологию и оборудование. Рюити Хасимото долго работал на телевидении до того, как занялся проблемами организации производства. Вероятно, незабытые им еще традиции журналистской солидарности побудили к обстоятельному и откровенному разговору со мной.

– Нынешняя научно-техническая революция требует, – сказал Хасимото, – максимального использования человеческих способностей, знаний, энтузиазма. Орудовать кувалдой

можно было принудить силой. Но думать силой не принудишь, причем думать так, чтобы это было полезно производству и выгодно фирме. – Собеседник развел руками, что должно было, судя по всему, означать: такова реальность и тут уж ничего не поделать, и продолжил: – Следовательно, не принудишь персонал приводить в движение роботы, так называемые «безлюдные заводы», разрабатывать программы для компьютеров. Вы правильно считаете: главная производительная сила – действительно рабочий. – Менеджер одобрительно кивнул мне. – Значит, надо создать условия, которые побуждали бы главную производительную силу быть высокопроизводительной. Необходимо, чтобы именно условия, а не управляющие заставляли рабочих эффективно трудиться, – пояснил Хасимото. – Если появляются такие условия, сколь дорого они ни обходились бы, тогда и вложения в капитальное строительство, в передовую технологию оказываются ненапрасными и прибыль многократно увеличивается, – подчеркнул менеджер.

Ссылка на ленинскую мысль, что рабочий, трудящийся – главная производительная сила всего человечества, была, вероятно, кокетством. «Смотрите, каких широких взглядов придерживается японский менеджер!» – тщился, думается мне, продемонстрировать Хасимото. По существу же он пересказал содержание известных американских теорий: Д. Макгрегора «о внутренней мотивации участников производства» и Р. Ликерта «об участии работников в производстве». Первая теория проповедует необходимость и возможность, используя вместо кнута пряник, заставить рабочего усердно трудиться на капиталиста по собственному убеждению. Другая доктрина утверждает, что там, где осуществлен принцип «коллективного участия» управляющих и рабочих в решении всех вопросов производства, достигается преданность персонала предприятию и, следовательно, повышается продуктивность производства.

В «Мацусита дэнки» увековечен в бронзе японский писатель и общественный деятель XIX века Сёдзан Сакума. Его бюст на территории штаб-квартиры электронного концерна кажется случайным. Но так представляется человеку непосвященному. Основатель и в течение долгих лет единоличный глава концерна Коносукэ Мацусита считал Сакуму своим духовным отцом и всегда следовал его идеям. Вот одна из заповедей Сакумы: «Лишь после того как мы искусно овладеем всем тем, что блестяще использует враг, мы сможем говорить о победе над ним».

В нынешней Японии слова Сакумы истолковывают следующим образом: «Чтобы победить в конкурентной борьбе, нужно найти лучшее в мире, перенять его и сделать совершеннее, чем это было раньше». Подобной стратегии японские предприниматели придерживаются в отношении не только научно-технических новинок, но и организационно-идеологических методов эксплуатации трудящихся, которые изобретаются за рубежом. Именно в Японии наиболее полное воплощение обрели теории «о внутренней мотивации участников производства» и «об участии работников в производстве», сочиненные в США.

Следуя назиданиям Сакумы, японские предприниматели не прочь использовать в своих идеологических целях и некоторые положения марксистской науки. Учитывая тягу трудящихся к марксизму, они демагогически заявляют, что тоже верят в него и якобы стремятся осуществить на практике братство труда и капитала. Но дальше демагогического признания трудящихся главной производительной силой японские предприниматели не могут пойти. Следующий шаг подвел бы к выводу о необходимости избавиться от капиталистических порядков.

Лоботомия по-японски

Пять раз в неделю, кроме субботы и воскресенья, японские рабочие, инженеры и служащие – «персонал», по терминологии менеджеров, начинают день с физзарядки и пения. Выстроившись ровными рядами у станков и поточных линий, у письменных столов и кульманов, у витрин и прилавков, японцы хором выводят гимны своих фирм. В концерне «Мацусита дэнки» поют так:

…Непрерывно и безостановочно,
Подобно струям фонтана,
Пошлем всего мира народам
Продукт наших рук и ума.
Как прилив неистощимый,
Расти, промышленность, расти, расти,
«Мацусита дэнки», «Мацусита дэнки»!

Президенты фирм поют гимны, обратившись к фирменным знаменам, хранящимся в их кабинетах.

Затем рабочие, инженеры, служащие и, разумеется, президенты декламируют заповеди. Заповеди у каждой фирмы – собственные. Они вывешены в цехах, в конструкторских бюро, в конторах. В президентских кабинетах заповеди начертаны известными каллиграфами и заключены в дорогие рамы. Смысл заповедей сводится примерно к следующему: трудиться упорно и добросовестно, повиноваться и быть скромным, быть благодарным и отвечать добром на добро… Если б выпускаемые в Японии роботы могли говорить, их тоже наверняка обучили бы декламировать заповеди.

Потом бригадиры или начальники участков поднимаются на возвышение и держат речи. Содержание той, что довелось услышать мне, было таким. Жил в эпоху Эдо – японское средневековье – слепой старец. Как-то вечером собрался он пойти в соседнюю деревню. «Возьми фонарь», – сказала ему жена. «Ведь я слепой, зачем мне фонарь?» – ответствовал старец. «Фонарь нужен, чтобы встречный путник не натолкнулся на тебя», – настаивала жена. Слепец послушался и взял фонарь. Но случилось так, что на темной дороге шедший навстречу старику человек столкнулся с ним и ушиб его. И все из-за того, что погас у слепого огонь в фонаре. Так оглянемся на себя, обратился к рабочим выступавший, не погас ли огонь нашего трудового энтузиазма и не похожи ли мы на слепого, который пострадал, потому что оказался в темноте?

Ритуал завершают начальники цехов. «Прошу вас и сегодня трудиться весь день изо всех сил», – призывают они подчиненных.

– Зачем все это? – спросил я кадровика крупной фирмы. В ответ услышал:

– Представьте, к примеру, что у кого-то из рабочих дома нелады. Он тревожится, нервничает. Другой рабочий ехал в переполненном вагоне метро или автобусе и пришел в цех в дурном расположении духа. У третьего – вечером приятная встреча, и он, забыв обо всем, ждет ее. Исполняя гимн, декламируя заповеди, вникая в содержание произносимых речей, рабочие настраиваются на труд, мысленно готовятся к нему.

– Но ведь это – непродуктивная трата времени? – возразил я.

– Неизмеримо больше мы выигрываем благодаря укреплению дисциплины и повышению производительности труда, а они – прямое следствие утренней церемонии, – объяснил кадровик.

В таком объяснении есть, разумеется, частица правды. Но лишь частица, потому что не только настраивать на труд – назначение гимнов, заповедей, знамени, униформы – этой обрядности, к которой японца приучают с детства.

В каждом детском саду – свои, отличающиеся от других по цвету, рисунку или покрою, курточки, платьица, панамки, причем непременно с эмблемой этого детского сада. В людных местах воспитателям легко следить за детьми, а они, без труда замечая друг друга, привыкают держаться вместе, одной группой, единой семьей.

Все средние школы и высшие учебные заведения имеют свои знамена и гимны. Самые популярные композиторы и поэты не гнушаются писать для этих гимнов музыку и стихи. Гимн возносит учебное заведение так высоко, что принадлежность к нему воспринимается чуть ли

не как императорская милость, а уход из учебного заведения – как измена, почти как святотатство. Начало занятий и открытие школьных или университетских спортивных состязаний, встреча важных гостей и прощание с выпускниками непременно сопровождаются торжественным исполнением гимна и выносом знамени. Перед знаменем клянутся хорошо учиться и быть честными в спортивной борьбе. На стотысячном столичном стадионе зрители поднимаются с мест, когда под звуки школьного гимна на флагштоке взвивается знамя победителя всеяпонского чемпионата по бейсболу среди команд учебных заведений.

Такое воспитание приносит плоды. Приходит время поступить на работу, и вчерашние школьники и студенты, склоняя под мелодию гимна фирмы голову перед ее знаменем, дают обет преданности новой группе, семье, общности, в которую отныне приняты. Они не воспринимают обряд смешным, а клятву формальной.

В некоторых компаниях с подобной ритуальностью ставят у конвейера роботов. Им присваивают человеческие имена. Человек и робот оказываются в одной семье. Цель – воспрепятствовать появлению новых луддитов, ломавших в период промышленного переворота конца XVIII – начала XIX века станки и машины. Луддиты наивно полагали, что причина безработицы – станки и машины. Нынешнему японскому рабочему должно казаться: крушить роботов – все равно что поднимать руку на брата. А попытки крушить были.

Не исключено, что будут еще. Ведь показанный на Всемирной выставке «Экспо-85» индустриальный робот японской фирмы «Хитати» способен выполнять три тысячи движений. Роботы других фирм играли с детьми в футбол, по нотам исполняли на музыкальном синтезаторе мелодии, писали портреты с натуры. Несложно представить губительные для занятости трудящихся последствия массового применения столь совершенных роботов в капиталистических странах. Поэтому-то предприниматели и стараются интегрировать роботов в людскую среду, будто они – живые существа, умерщвлять которых – преступно.

Но крупный бизнес заботит и другое: «интеллектуализация» роботов порождает психологические проблемы во взаимоотношениях человека с машинами. Создание «думающих» механизмов идет быстрее перестройки человеческого сознания. На заводе автомобильной фирмы «Ниссан» выход узрели в следующем. После завершения утреннего ритуала начальник цеха обращается к роботам с теми же напутственными словами, что и к рабочим, и кланяется роботам так же низко, как и персоналу. В цехе роботостроительной фирмы «Токико» я видел, как шеренга готовых к отгрузке роботов двигала «руками»-манипуляторами в такт фирменному гимну, который выводили рабочие.

Во время пикника в токийском парке Синдзюку, на коллективном любовании цветущей сакурой, которое ежегодно устраивает премьер-министр для японского истеблишмента и зарубежных дипломатов и журналистов, однажды стихийно возник среди корреспондентов-иностранцев диспут о «секрете» динамичности японской экономики в сравнении с американской и западноевропейской. Представители зарубежной прессы отдали должное нежно-белой красоте весенней сакуры и собрались в кружок обменяться новостями и мнениями. Спор врезался в память из-за высказываний корреспондента итальянского журнала «Эспрессо». С запальчивостью, какой хватило бы на десятерых болельщиков с бразильского футбольного стадиона «Маракана», и с непререкаемостью римского инквизитора журналист утверждал, что «секрет» этот – в сочетании двух элементов, повсюду взаимоисключающих друг друга, но в Японии, где все наоборот, друг друга взаимодополняющих: самой передовой промышленной технологии и феодального образа мышления.

– Взгляните на этих людей. – Итальянец показал рукой на длинную очередь японцев, желавших пожать руку премьеру. – Нарядите их в самурайские одеяния, и можно снимать фильм о японском средневековье, который по достоверности не отличался бы от документального кино.

Итальянский журналист смолк, потому что сгрудившиеся вокруг него журналисты обернулись к стоявшим в очереди двум очень пожилым японцам. Они отвешивали друг другу поклоны. Поклоны делались все ниже, и казалось, конец им наступит только тогда, когда «бить челом» нужно будет уже в самом прямом смысле – о землю.

– Вот видите, – продолжил итальянец, – поведением, манерами и, я уверен, образом мышления они ничем не отличаются от своих праотцов, которые считали харакири лучшим аргументом в споре, и от праматерей, красивших зубы в черное, чтобы привлекательней выглядеть. Это на их предприятия, – итальянец заговорил еще экспансивней, – приезжают каждый год по полторы тысячи делегаций американских и западноевропейских бизнесменов и чиновников учиться рациональному использованию современнейшей технологии – той самой, которую придумали в самих же США и Западной Европе. – Итальянец на секунду умолк и потом докончил: – Девиз «вакон ёсай» свят для них, – итальянец кивнул в сторону очереди, – до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.